

Е.Г. ПАНФИЛОВА

КОММУНИКАТИВНЫЕ КЛИШЕ: МОРФОЛОГО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРЕДИКАТИВНОСТИ

Показано, что коммуникативные клише (фраземы, функционирующие в речи как высказывания с устойчивой иллокуцией) в белорусской, русской и немецкой фразеологии относятся к двум синтаксическим классам (непредикативным синтагмам и оборотам со структурой предложения), составляя в исследуемых языках примерно 5–6 % их фразеологии, представленной в нормативных словарях. Возможности предикативного употребления характерны в первую очередь для фразем со структурой предложения и затем для глагольных синтагм; вместе с тем эти возможности в трех рассматриваемых языках проявляются в разной мере.

The article reveals that communicative clichés (phrasemes, functioning in speech as utterances with fixed illocution) in Belorussian, Russian and German phraseology belong to two syntactic classes (non-predicative syntagmas and units with the structure of a sentence), accounting for about 5–6 % in the phraseology of the studied languages. The possibilities of predicative use are primarily characteristic of the phrasemes with the structure of a sentence and then of verbal syntagmas; at the same time these possibilities are differently displayed in the three languages under study.

1. Различия между номинативными и коммуникативными клише. Почти все фраземы, как

и слова, принадлежат уровню номинативных языковых единиц, т. е. лексико-фразеологическо-

му уровню языка. Фраземы по отношению к словам – это или вторичные наименования явлений (*собаку съел* по отношению к ‘мастер/знаток’), или единственные двусловные обозначения (*центр тяжести*). В аспекте структуры фраземы в своем большинстве – это непредикативные синтагмы, построенные по тем же синтаксическим моделям, что и свободные сочетания слов. И только редкие фразеологические обороты (далее – ФО) могут выступать в речи как высказывания, т. е. обладать свойством предикативности и в силу клишированности иметь устойчивую иллокуцию. Удельный вес коммуникативных клише составляет в белорусском материале 4,6 % (51 ФО из 1108), в русском – 6,2 % (59 ФО из 952), в немецком – 6,3 % (127 ФО из 2019). Приведем примеры таких оборотов: бел. *Шчаслівай дарогі!*, рус. *Держи карман шире!*, нем. *Gerechter Himmel!* (досл. ‘праведное небо’) ‘разг. выражение замешательства’ (Dud., XI, 361). Н.М. Шанский, еще в начале 1960-х гг. впервые выделивший коммуникативные фразеологизмы, определяя их как «разговорно-бытовые речевые штампы, своеобразные присловья к случаю», отмечал, что «их содержание всегда однопланово и тесно связано с речевой ситуацией: *Всего хорошего!* и др.» (Шанский [1963] 1985, 73). Для обозначения коммуникативных клише предлагались различные термины: «прагматические фразеологизмы» (см. Burger 1982), «коммуникативные формулы» (см. Fleischer 1982), «прагматические фраземы» или «прагматемы» (см. Иорданская, Мельчук 2007), «речевые формулы» (см. Баранов, Добровольский 2008) и др. Круг коммуникативных клише достаточно широк, но в настоящей статье рассматриваются только те из них, которые наиболее близки к номинативным фраземам (это – не поговорки, не афоризмы). Такие ФО вошли в нормативные толковые словари, причем словари дают их в заромбовой части наряду с номинативными фраземами, однако эти фраземы являются особыми единицами, поскольку коммуникативны и предикативны; в речи они выступают как высказывания с вполне узуальной и вполне определенной иллокуцией.

Учитывая характеристики в лингвистической литературе, можно указать достаточно четкие признаки, которыми коммуникативные клише отличаются от номинативных фразем: 1) связь коммуникативных ФО с определенной ситуацией общения, постоянная иллокуция, а с другой стороны – ситуативно обусловленное употребление номинативных ФО; 2) синтаксически самостоятельное (формульное) функционирование коммуникативных ФО и употребление номинативных ФО в качестве членов предложения; 3) разная роль в создании прагматического содержания: у

коммуникативных клише – постоянная иллокуция, присущая вполне определенным видам речевых актов, у номинативных ФО – возможна, но не обязательна коннотация отдельной словарной единицы.

2. Языковой материал и гипотеза исследования. Материалом исследования являются 4079 фразем, входящих во фразеологические гнезда с высокочастотными существительными, прилагательными и глаголами (по 10 гнезд на каждую часть речи в белорусском, русском и немецком языках). Изучение серий фразем с общими компонентами (не всегда грамматически опорными), принадлежащими к разным частям речи, позволяет выявить, как разделение на номинативные и коммуникативные фраземы связано с частеречной принадлежностью и синтаксическими возможностями гнездообразующих лексем в их составе. Обращение к фразеологическим гнездам именно с высокочастотными словами обусловлено тем, что такие слова обладают большей фразеологической активностью, чем менее частотные лексемы, что обеспечивает достаточную для исследования численность фразем с лексемами разных частеречных групп. Предполагалось, что развитию у фразеологических оборотов предикативности способствуют некоторые морфолого-типологические условия (такие, как наличие глагольной лексемы в составе ФО, степень обязательности личной формы глагола в предложении, разная активность полузнаменательных глаголов), в разной мере характерные для рассматриваемых языков.

3. Белорусские, русские и немецкие фраземы со структурой непредикативного словосочетания: при каких условиях они становятся коммуникативными клише? Почти все фраземы со структурой словосочетания в материале трех языков относятся к уровню номинативных единиц языка и употребляются в роли одного из членов предложения. Лишь незначительное количество глагольных фразем в составе белорусских и русских фразеологических гнезд и несколько субстантивных ФО в материале трех языков выступают как единицы коммуникативного уровня, употребляясь в основном в качестве вводных словосочетаний и выполняя, как правило, метакоммуникативную или метаязыковую функцию (рус. *другими словами* ‘иначе говоря’ (МАС, I, 449), бел. *да слова сказаць* ‘у сувязі са сказаным або ў дадатак да яго’ (ТСБМ, V, кн. 1, 148) и др.), нем. *auf mein Wort* (досл. ‘на мое слово’) ‘формула заверения’ (Dud., XI, 885). Количественные данные о соотношении номинативных и коммуникативных фразем со структурой словосочетания в материале трех языков представлены в табл. 1.

Фразеологические обороты со структурой словосочетания

ФО со структурой словосочетания в группах с:	Номинативные	Ранг	Коммуникативные	Ранг
Белорусские ФО				
существительными	601 (62,5 %)	I	2 (14,3 %)	II
глаголами	212 (22 %)	II	12 (85,7 %)	I
прилагательными	149 (15,5 %)	III	–	III
Общее количество	962 (100 %)		14 (100 %)	
Русские ФО				
ФО со структурой словосочетания в группах с:	Номинативные	Ранг	Коммуникативные	Ранг
существительными	474 (58,2 %)	I	5 (31,3 %)	II
глаголами	172 (21,1 %)	II	11 (68,7 %)	I
прилагательными	168 (20,7 %)	III	–	III
Общее количество	814 (100 %)		16 (100 %)	
Немецкие ФО				
ФО со структурой словосочетания в группах с:	Номинативные	Ранг	Коммуникативные	Ранг
существительными	630 (34,7 %)	I	2 (100 %)	II
глаголами	975 (53,6 %)	II	–	I
прилагательными	213 (11,7 %)	III	–	III
Общее количество	1818 (100 %)		2 (100 %)	

Как видим, коммуникативные клише в кругу фразем со структурой словосочетания в рассматриваемых языках редки. Однако в материале русского и белорусского языков они представлены шире, чем в немецком; кроме того, в русской фразеологии их несколько больше, чем в белорусской. Удельный вес коммуникативных клише в корпусе белорусских фразем со структурой словосочетания составляет 1,43 %, среди русских – 1,9 %, среди немецких – 0,11 %. Определим весомость выявленных межъязыковых различий для каждой пары языков по формуле $z = (m_1/N_1 - m_2/N_2) / \sqrt{pq/n}$ (см. Носенко 1981, 93), где z – коэффициент доверия (уровень значимости), m_1 – количество номинативных ФО в материале одного языка, m_2 – количество номинативных ФО в материале другого языка, N_1 – общее количество рассматриваемых фразем со структурой предложения для языкового материала одного языка, N_2 – общее количество фразем со структурой предложения для материала другого языка, параметры p , q , n вычисляются по формулам: $p = (m_1 + m_2) / (N_1 + N_2)$, $q = 1 - p$, $n = N_1 N_2 / (N_1 + N_2)$. Полученные коэффициенты доверия для русского и белорусского языков 2,46, для русского и немецкого – 6,9, для белорусского и немецкого – 4,26. При допустимой 5 % погрешности полученный коэффициент сравнивается со значением двустороннего критерия $z/\alpha/2 = 1,96$ (см. Носенко 1981, 90). Все три значения больше, чем 1,96, что свидетельствует о наличии существенных различий в удельном весе номинативных и коммуникативных фразем со структурой словосочетания не только в немецком языке и славянских, но и в материале русского и белорусского языков.

Наименьший удельный вес коммуникативных фразем среди ФО со структурой словосочетания в немецком материале обусловлен тем, что в немецком синтаксисе в большей степени выражена тенденция к синтаксически строгим моделям, в частности к двусоставности предикативного ядра предложения. А.Л. Зеленецкий и О.В. Новожилова пишут, что «немецкое предло-

жение тяготеет к двусоставности, пусть даже формальной» (Зеленецкий, Новожилова 2003, 24). Поэтому почти все немецкие коммуникативные клише, за исключением двух субстантивных ФО, имеют структуру предложения. Для славянских языков характерны частая необязательность выражения лица, обилие безглагольных типов предложений, приемлемость нулевой связи при именных сказуемых. Причем в русском эта возможность безглагольных и безличных предложений несколько шире, чем в белорусском. На это указывает Н.Б. Мечковская: «Значения лица максимально морфологически выражены в южнославянских языках и наименее эксплицитно – в восточнославянских, особенно в русском» (Мечковская 1999, 102), чем и обусловлен несколько больший процент коммуникативных клише в русском материале по сравнению с белорусским.

4. Фраземы со структурой предложения: как морфология фраземы влияет на ее синтаксические функции и коммуникативные потенции? Фраземы со структурой предложения, принадлежащие номинативному уровню языка, подобно словам, называют то или иное явление действительности и в зависимости от своих семантико-синтаксических возможностей выступают в функции того или иного члена предложения (рус. *вилами на воде (или по воде) писано* 'о чем-л. маловероятном, едва ли осуществимом' (МАС, I, 175); *Но ведь все это вилами на воде писано!* (НКРЯ) (сказуемое)). Коммуникативные фраземы являются отдельными речевыми актами и функционируют самостоятельно либо как часть сложного предложения (нем. *Hand drauf!* (досл. 'Руку на это!') 'я тебе обещаю/пообещай мне' **Hand drauf, dass du bis morgen alle Bücher zurückgebracht hast!** (досл. 'Пообещай мне, что вернешь все книги до завтра') (Dud., XI, 323)). Количество распределение номинативных и коммуникативных фразем со структурой предложения в субстантивных, адъективных и глагольных фразеологических гнездах трех языков представлено в табл. 2.

Таблица 2

Фразеологические обороты со структурой предложения

ФО со структурой предложения в группах с:	Номинативные	Ранг	Коммуникативные	Ранг
Белорусские ФО				
существительными	65 (68,4 %)	I	15 (40,5 %)	II
глаголами	29 (30,5 %)	II	22 (59,5 %)	I
прилагательными	1 (1,1 %)	III	–	III
Общее количество	95 (100 %)		37 (100 %)	
Русские ФО				
ФО со структурой предложения в группах с:	Номинативные	Ранг	Коммуникативные	Ранг
существительными	54 (68,4 %)	I	19 (44,2 %)	II
глаголами	21 (26,6 %)	II	21 (48,8 %)	I
прилагательными	4 (5 %)	III	3 (7 %)	III
Общее количество	79 (100 %)		43 (100 %)	
Немецкие ФО				
ФО со структурой предложения в группах с:	Номинативные	Ранг	Коммуникативные	Ранг
существительными	37 (50 %)	I	34 (27,2 %)	II
глаголами	30 (40,5 %)	II	86 (68,8 %)	I
прилагательными	7 (9,5 %)	III	6 (4 %)	III
Общее количество	74 (100 %)		125 (100 %)	

Таблица 3

Количественное соотношение нисходящих и восходящих синтаксических связей гнездообразующих лексем-глаголов, существительных и прилагательных в коммуникативных фраземах трех языков

Виды связей	Суммарные данные о количестве разных видов связей в составе коммуникативных фразем		
	белорусских	русских	немецких
Глагол	В 22 ФО в совокупности 31 синт. связь, т. е. в среднем 1,4 связи на один глагол	В 21 ФО в совокупности 28 синт. связей, т. е. в среднем 1,3 связи на один глагол	В 86 ФО в совокупности 186 синт. связей, т. е. в среднем 2,2 связи на один глагол
Синт. нисходящие	30	23	172
Синт. восходящие	1	5	14
Существительное	В 11 ФО всего 15 синт. связей, т. е. 1,4 связи на одно существительное	В 13 ФО всего 13 синт. связей, т. е. 1 связь на одно существительное	В 25 ФО всего 36 синт. связей, т. е. 1,4 связи на одно существительное
Синт. нисходящие	4	–	11
Синт. восходящие	11	13	25
Прилагательное	–	В 3 ФО всего 3 синт. связи, т. е. 1 связь на одно прилагательное	В 5 ФО всего 5 синт. связей, т. е. 1 связь на одно прилагательное
Синт. нисходящие	–	–	–
Синт. восходящие	–	3	5

Как видим, номинативные фразеологизмы преобладают в субстантивных и адъективных гнездах трех языков, а также в глагольных гнездах белорусского языка; в русских фразеологических гнездах с компонентами-глаголами номинативные и коммуникативные клише представлены в равном количестве. В немецком материале коммуникативные клише составляют большинство только в глагольных фразеологических гнездах, однако и в субстантивных гнездах таких фразем больше по сравнению с количеством соответствующих фактов в русском и белорусском материале, что в целом говорит о большей предикативной, синтаксической самостоятельности ФО со структурой предложения в немецком языке. Следует также отметить, что в группах фразем с глаголами коммуникативные ФО по трем языкам представлены шире, чем в группах с существительными и прилагательными. «Естественность» для глагольных ФО продуцировать коммуникативные конструкции объясняется тем,

что глагольные лексемы обладают большими синтаксическими текстообразующими возможностями, чем субстантивные и адъективные. Об особой значимости глагола в синтаксической организации предложения писали такие выдающиеся лингвисты, как А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, Л. Теньер (см. Пешковский [1927] 2001; Виноградов [1947] 2001; Теньер [1959] 1988). Не случайно во второй половине XX в. возникли вербоцентрические теории синтаксиса, согласно которым глагол (сказуемое) считается единственным главным членом предложения, поскольку он является носителем предикативных категорий (времени, модальности и др.), а подлежащее – зависящим от него.

Чтобы показать различия в текстообразующих возможностях между глаголом и другими частями речи в составе ФО, были исследованы количество и характер синтаксических связей разных частей речи в коммуникативных клише трех языков. Л. Теньер выделил два типа синтаксических

связей: восходящие и нисходящие, отмечая, что «когда нас будет интересовать восходящая синтаксическая связь, мы будем говорить, что подчиненный элемент зависит от управляющего, а когда речь будет идти о нисходящей связи, будем говорить, что управляющий элемент управляет подчиненным, или подчиняет его» (Теньер [1959] 1988, 24). Представим количественное соотношение нисходящих и восходящих синтаксических связей у гнездообразующих глаголов, существительных и прилагательных в синтаксически членимых коммуникативных клише рассматриваемых языков в табл. 3.

Большее количество нисходящих синтаксических связей у гнездообразующих глаголов, чем у других частей речи в рассмотренных коммуникативных клише, свидетельствует о том, что текстообразующий потенциал глагола на уровне предложения в трех языках выше, чем у других частей речи.

В белорусском и русском материале в корпусах фразем со структурой предложения примерно 2/3 составляют номинативные ФО, в немецком материале, наоборот, почти 2/3 от общего количества ФО со структурой предложения являются коммуникативными клише. Определив весомость межъязыковых различий в распределении номинативных и коммуникативных фразем среди ФО со структурой предложения (данные табл. 2) по формуле $z = (m_1/N_1 - m_2/N_2) / \sqrt{pq/n}$ (см. Носенко 1981, 93), получаем коэффициент доверия для русского и белорусского материала $1,21 < 1,96$; для белорусского и немецкого материала – $6,25 > 1,96$; для русского и немецкого – $4,91 > 1,96$. Вычисленные коэффициенты свидетельствуют о приблизительном равенстве удельного веса номинативных и коммуникативных клише в славянских языках и о наличии существенных различий в удельном весе номинативных и коммуникативных фразем со структурой предложения в немецком языке и славянских. Преобладание коммуникативных клише в немецком материале можно объяснить различиями в синтаксисе немецкого языка и русского и белорусского, а именно обязательным наличием глагола в любом по структуре и семантике немецком предложении. А.Д. Райхштейн, говоря о том, что лексико-грамматическая организация немецкого предложения характеризуется по сравнению с русским языком более четкой специализацией и противопоставлением структурной и лексической функций его основных компонентов – существительного и глагола, отмечает: «Немецкий глагол (какова бы ни была его лексическая значимость) был и остается не просто обязательным компонентом, но и носителем основных синтаксических значений высказывания, конструктивным ядром в его синтагматической организации. Если немецкое имя существительное играет ведущую роль в лексической номинации, то глагол – в син-

таксической номинации и коммуникации» (Райхштейн 1980, 123). О том, что группа глагола-сказуемого в немецком языке является синтаксически более емкой по сравнению с группой глагола-сказуемого в славянских языках и поэтому приобретает особое значение с точки зрения оформления предложения, свидетельствует значительно более высокая синтаксическая активность глаголов в организации коммуникативных фразем со структурой предложения в немецком языке. По данным табл. 3, на один немецкий глагол приходится в среднем 2,2 синтаксические связи, в то время как на один белорусский – 1,4, а на один русский – 1,3.

5. Типологические факторы, способствующие появлению у клише предикативных и коммуникативных свойств. В глагольных группах ФО трех языков коммуникативные фраземы представлены шире, чем в субстантивных и адъективных. Это объясняется тем, что глагольные лексемы в трех языках обладают гораздо большей конструктивной, т. е. синтаксически организующей силой, чем лексемы, принадлежащие к другим частям речи. В глагольных ФО чаще, чем в субстантивных и адъективных, формируется синтаксическая семантика предикативности, и это свойство глагольных фразем проявляется в рассмотренных фразеологических корпусах трех языков.

Большой удельный вес коммуникативных клише в немецком материале по сравнению с русским и белорусским объясняется различиями в синтаксисе немецкого языка и славянских. В числе этих различий обязательное наличие в предложении подлежащего и сказуемого, отсутствие нулевой связки в предложениях с именным сказуемым в настоящем времени, т. е. обязательное наличие спрягаемого глагола почти в любом по структуре и семантике немецком предложении. Значительно более высокая синтаксическая активность глаголов в организации коммуникативных фразем со структурой предложения в немецком языке, чем в белорусском и русском, обуславливает не только максимальный процент коммуникативных клише в немецких глагольных группах, но и больший удельный вес коммуникативных ФО в немецком материале в целом.

В рассмотренном русском и белорусском материале коммуникативные клише среди фразем со структурой словосочетания представлены шире, чем в немецком, где почти все коммуникативные ФО имеют структуру предложения. Это объясняется характерной для немецкого языка тенденцией к синтаксически строгим моделям, в частности к двусоставности единиц коммуникативного уровня. Исследование показало, что несколько больший удельный вес коммуникативных клише со структурой словосочетания в русском материале, чем в белорусском, обусловлен более широкими возможностями в русском языке

(по сраўненню с беларускім) развіцця значэння прэдыкатывнасці ў ўмовах адсутнасці спрагаемых глагольных форм.

Сокращения

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985; **НКРЯ** – Национальный корпус русского языка. <<http://www.ruscorgora.ru>>; **Леп.** – Лепешаў І.Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: У 2 т. Мн., 1993; **ТСБМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. (6 кн.) / Пад агул. рэд. К.К. Крапівы. Мн., 1977–1984; **Dud.** – Duden in 12 Bänden. Bd. 11. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: 3. Auflage. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 2008.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.

Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове [1947]. М., 2001.

Зеленецкий А.Л., Новожилова О.В. Теория немецкого языкознания. М., 2003.

Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007.

Мечковская Н.Б. Безличность, неопределенность и обобщенность лица в структуре категории персональности // *Personalität und Person*. Wiesbaden, 1999. С. 97–124.

Носенко И.А. Начала статистики для лингвистов. М., 1981.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении [1927]. М., 2001.

Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.

Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М., 1980.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса [1959]. М., 1988.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка [1963]. М., 1985.

Burger H. Handbuch der Phraseologie. Berlin, 1982.

Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1982.

Поступила в редакцию 29.04.10.

Елена Геннадьевна Панфилова – аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н.Б. Мечковская.